

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВО

УДК 01*312*

Антонюк В.Ф.

Социальная обусловленность библиографической деятельности

Предпринята попытка показать зависимость принципов и задач библиографической деятельности государственных библиотек от принципов, составляющих основу конкретной общественной системы.

Каким требованиям должна отвечать библиографическая деятельность государственных библиотек в современных условиях — при разрушении тоталитарной и создании новой системы общественного устройства? На наш взгляд, ответ на этот вопрос обусловлен принципами, характеризующими общество, в котором эта деятельность осуществляется. Поэтому первоочередным условием в исследовании биб-

лиграфической деятельности является четкое определение принципов, лежащих в основе нового общества, и вытекающих из них принципов библиографической деятельности.

В статьях Г.С. Галиуллиной [1], О.П. Коршунова [2], В.А. Фокеева [3] и других авторов, затрагивающих проблему принципов библиографии, отсутствуют конкретно выраженная связь между принципами общества и принципами библиографической деятельности и четкое определение той общественной системы, где будут существовать выдвигаемые этими авторами принципы библиографии.

Цель данной статьи — показать связь между принципами и задачами библиографической деятельности государственных библиотек и принципами, лежащими в основе конкретной общественной системы. Принимая во внимание такую особенность библиографической деятельности, как ее существование внутри многих общественных институтов, "выполняющих посреднические функции в системе документальных коммуникаций" [4, с. 111], считаем возможным распространить наши выводы на библиографическую деятельность всех государственных институтов, хотя в статье называются только государственные библиотеки.

В качестве модели общественного устройства, в рамках которой исследуется библиографическая деятельность, предлагается модель правового общества — системы, состоящей из двух элементов: правового государства и гражданского общества.

Правовое государство — это государство, основывающееся на принципе приоритета прав и свобод человека (гражданина). Право — понятие, определяющее сущность правового государства. Право как форма отношений между людьми основывается на принципе формального равенства всех людей. При этом принцип формального равенства, "не игнорируя и не отвергая фактического различия, лишь упорядочивает и формализует эти различия по одному основанию, общему масштабу и в равной мере, тем самым трансформирует стихию и хаос неопределенных различий в единый для всех формально-определенный порядок" [5, с. 27]. Принцип формального равенства людей в общественных отношениях отличает право от иных видов социальной регуляции — моральной, религиозной и др. [6, с. 20].

Система прав человека выполняет в обществе две функции: социальную защищенность личности и ее активное участие в общественной и государственной жизни, гарантируя возможность стать свободным, возможность реализовать свое "Я" [7, с. 3]. И речь должна идти именно о возможности быть свободным — ибо "категория «возможность» содержит указание не только на субъективные свойства субъекта действия, но и на объективные обстоятельства, в которых ему

приходится действовать” [8, с. 7]. Следовательно, задачей правового государства является гарантированное выполнение прав человека с целью реализации его стремления к свободе.

Функционирование библиотеки как государственного института подразумевает соответствие целей и задач ее деятельности целям и задачам государства, а также существующим правовым нормам. Это означает и соответствие принципов библиографической деятельности принципам, на которых основывается государство. В условиях предложенной модели правового государства таковыми являются: принцип приоритета прав человека, ограничение государственной власти этими правами и принцип формального равенства всех людей с позиции права.

На основе вышеизложенного предлагается новое понимание правового подхода к библиографической деятельности как общественному явлению. Для формулировки принципа правового подхода использован принцип, положенный Н.А. Рубакиным в основу создания библиографического указателя “Среди книг”: “Будем прежде всего смотреть на то, что могло бы соединить людей, а не на то, что разъединяет их” [9, с. 117]. Как уже сказано, этим объединяющим понятием является право. Правовой подход, заключающийся в рассмотрении библиографической информации как средства реализации информационных прав человека в системе документальных коммуникаций, в таком понимании ранее не применялся. В работах Г.С. Галиуллиной основой правового подхода считается потребности человека в информации [1], что является следствием традиционного понимания библиографической информации как средства удовлетворения информационных потребностей человека, а не прав. На наш взгляд, потребности являются фактором, определяющим качественные различия между людьми. Учет этого фактора заставляет рассматривать библиографическую деятельность и библиографическую продукцию в зависимости от конкретного потребителя, при этом права приобретают второстепенное значение. Используя правовой подход, мы можем исследовать библиографическую деятельность, не ограничивая себя рамками конкретных потребностей, конкретного потребителя. Тем самым в правовом государстве перед библиографией ставится задача способствовать реализации информационных прав человека путем создания библиографической информации.

Предлагается выделять следующие информационные права человека: 1) право на свободу слова — возможность свободно создавать и распространять созданную информацию; 2) право на свободное получение информации, при необходимом условии полноты, объективности информации.

Используя правовой подход при рассмотрении системы документальных коммуникаций, мы наблюдаем наличие информационных прав у всех элементов этой системы, а также их определенное распределение. В документе, как результате творческой деятельности автора, опосредовано право создателя информации на свободу слова. Выражаясь словами М.Н. Куфаева: "Идея книги — в воле человека, владеющего словом, к проявлению себя в соборном человечестве, в стремлении личности к легкому и свободному, полному и прочному выявлению себя в обществе" [10, с. 25]. А потребитель информации сконцентрировал в себе право на свободное получение полной (объективной, реально существующей, реально доступной) информации.

При осуществлении информационной связи между документом и потребителем посредством библиографической информации происходит реализация информационных прав автора документа и потребителя. Тем самым целью библиографической деятельности становится синтез этих прав путем преодоления информационных барьеров.

Утверждая право потребителя на свободное получение информации (в том числе и библиографической), мы сталкиваемся с проблемой реальности получения полной информации. Возникает вопрос, не является ли декларируемое право на получение полной информации лишь теоретической конструкцией, лишенной реального воплощения [11, с. 55].

Можно выделить две формы проявления полноты информации: формальную и содержательную.

Формальная (количественная) полнота на документальном уровне определяется всеми реально существующими документами в системе документальных коммуникаций; на библиографическом уровне — это состояние, при котором существует полное отражение всех реально существующих документов в библиографической информации. Содержательная (качественная) полнота выражается в феномене многообразия проявления человеческой мысли (свободы мысли), отражения множества различных взглядов, теорий, мнений (но не обязательно всех документов) по какому-либо вопросу, проблеме и т. д. в библиографической информации.

В системе документальных коммуникаций возможно автономное существование этих форм, но для абсолютно полной информации необходим их синтез. В действительности абсолютно полная библиографическая информация отсутствует, что объясняется определенной спецификой информационных процессов.

Следует обратить внимание на два принципиально различные явления: 1) естественные потери информации, вызванные несовершенством документальных коммуникаций; 2) дезинформацию — инфор-

мацию, содержащую "ложь по самой природе объекта, по тем или иным его качествам" [12, с. 79], возникающую как результат сознательной, целенаправленной деятельности, имеющей политические, религиозные, нравственные или иные мотивы, направленной на сокрытие части информации путем ее селекции.

В системе документальных коммуникаций субъектом дезинформации может выступать (выступает) библиограф, или субъект библиографической деятельности, создающий библиографическую информацию, не способную реализовать информационные права автора документа и потребителя. Необходимо исследовать принципиальную основу дезинформационной деятельности. На наш взгляд, ее составляет принцип "качественной избирательности", заключающийся в оценке и отборе информации по качественным критериям: классовым, политическим, религиозным, морально-нравственным, критериям научности, художественных достоинств и т. д. [12, с. 16].

На почве каких социальных явлений возник принцип качественной избирательности, для каких общественных систем он характерен? Ответ на этот вопрос находим в [13]. Деятельность, осуществляемая на основе этого принципа, характерна для людей, утверждающих свое право на обладание абсолютной истиной.

История показывает, что деспотизм — неотъемлемая составляющая всех тоталитарных режимов, характерной чертой которых являются абсолютная власть над человеком со стороны государства, доминирование государства над обществом, стирание различий между государством и обществом" [14, с. 14]. Именно тоталитарному государству соответствует следующая схема осуществления библиографической деятельности в государственных структурах (ибо иных в тоталитарных государствах просто не существует): "Библиограф, именно как профессионал, в одном случае пропагандирует определенные взгляды (реализуя оценочную функцию библиографической информации), а в другом открывает полный доступ ко всякой информации (реализуя поисковую и коммуникативную функции)" [2, с. 17]. Следуя данной схеме, библиограф как часть государственного аппарата пропагандирует (посредством библиографической информации) взгляды, не противоречащие государственной идеологии (исключая информацию, не соответствующую этой идеологии) и предоставляет потребителю доступ к ранее отцензурированной информации.

В правовом государстве принцип качественной избирательности не может выступать в роли приоритетного для библиографической деятельности как приводящий к появлению дезинформации.

Каким же образом оградить потребителя от дезинформации? Подобный вопрос задает и Л. Солоненко в связи с проблемой реали-

зации права библиотекаря на личную политическую позицию и гарантии обеспечения читательских запросов любой политической направленности, но, к сожалению, оставляет его без ответа [15].

Проблема заключается в снятии противоречия между правами потребителя и создателя информации, с одной стороны, и правом библиографа на свободу слова — с другой. Права создателя и потребителя информации могут нарушаться ограничением качественной полноты библиографической информации из-за наличия у библиографа определенных установок.

Какие стимулы должны побуждать библиографа к созданию качественно полной библиографической информации? И.Г. Моргенштерн считает, что главным стимулом "предоставления объективной информации должно быть не внешнее побуждение, а внутренняя жизненная потребность" [16, с. 13]. Полностью соглашаясь с этим утверждением, заметим, что в идеале это лучший вариант разрешения проблемы создания полной информации, но на практике он вряд ли осуществим.

На библиографа, составляющего часть государственного аппарата, необходимо внешнее давление, направленное на ограничение его права на свободу слова в государственных институтах. Это ограничение, обусловленное только требованием создания полной библиографической информации, не должно лишать библиографа критического взгляда на библиографируемые документы. Государство обязано гарантировать полную реализацию права библиографа на свободу слова в системе институтов гражданского общества — системе "самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных" [17, с. 26]. Тем самым библиографическая деятельность будет осуществляться согласно с принципом социальной обусловленности, предложенным В.А. Фокеевым: "Библиограф как личность имеет право на пропаганду своих взглядов, а как профессионал он обязан открыть доступ ко всей информации" [3, с. 11]. Это соответствует принципам и структуре правового общества, в государственных институтах которого библиограф как профессионал осуществляет библиографическую деятельность, направленную на реализацию приоритетных прав создателя и потребителя информации, а как личность полностью реализует свое право на свободу слова в системе гражданского общества.

Опираясь на правовой подход при рассмотрении библиографической деятельности и используя ранее выдвинутый Н.А. Рубакиным "первый принцип книжного дела: примат личности" [18, с. 131] (личности читателя), предлагаем так сформулировать принцип библи-

ографической деятельности институтов правового государства: объективность и приоритет прав создателя и потребителя информации для библиографа. Это обуславливает понимание оценочной функции библиографической информации как вспомогательной в процессе оценки документа потребителем.

Когда-то М.Н. Куфаев писал: "Задача библиотеки... — возможно полнее отразить научную работу в данной области знаний, приютить все оттенки научной мысли, закрепить на полках библиотеки все проходящие ее течения" [19, с. 81]. Конкретизируя это определение, можно сформулировать задачу библиографической деятельности государственных библиотек: создание целостного образа человеческой мысли, зафиксированной в документах, которые отражаются в библиографической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиуллина Г.С. Библиотека с человеческим лицом в зеркале концепции информации как права // Сов. библиогр. — 1990. — № 1. — С. 10—17.
2. Коршунов О.П. Прошу слова // Там же. — № 5. — С. 13—19.
3. Фокеев В.А. Обновление // Там же. — № 2. — С. 3—20.
4. Коршунов О.П. Библиографоведение: Общий курс. — М.: Книга, 1990. — 242 с.
5. Нерсесянц В.С. Право и закон: их различие и соотношение // Вopr. философии. — 1988. — № 5. — С. 19—32.
6. Нерсесянц В.С. Право. Свобода. Демократия. ("Материалы круглого стола") // Там же. — 1990. — № 6. — С. 3—32.
7. Кудрявцев В.Н., Лчкашева Е.А. Новое политическое мышление и права человека // Там же. — № 5. — С. 3—12.
8. Грушин Б.А. Возможность и перспективы свободы (десять полемических вопросов и ответов) // Там же. — 1988. — № 5. — С. 3—19.
9. Рубакин Н.А. Предисловие к первому тому второго издания ["Среди книг"] // Рубакин Н.А. Избранное. Т.1. — М.: Книга, 1975. — С. 116—123.
10. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги (опыт введения в историю книги) // Куфаев М.Н. Избранное. — М.: Книга, 1981. — С. 21—39.
11. Свинцов В.И. Полуправда // Вopr. философии. — 1990. — № 6. — С. 53—62.
12. Хайт Ч., Зартарьян В. Разведка на службе вашего предприятия. — Киев: Укрзакордонвизасервис, 1992. — 159 с.
13. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вopr. философии. — 1992. — № 3. — С. 114—128.

14. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Там же. — 1992. — № 2. — С. 3—26.
15. Солоненко Л. Библиотека как зеркало политической ситуации в обществе // Библиогр. — 1992. — № 3/4. — С. 11—16.
16. Моргенштерн И.Г. Информационное общество // Сов. библиогр. — 1990. — № 4. — С. 11—16.
17. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопр. философии. — 1991. — № 7. — С. 19—36.
18. Рубакин Н.А. Книжные богатства, их изучение и распространение // Рубакин Н.А. Избранное. Т.1. — М.: Книга, 1975. — С. 124—216.
19. Куфаев М.Н. Библиография как наука и как прикладное знание // Куфаев М.Н. Избранное. — М.: Книга, 1981. — С. 71—94.